

Таким образом, вполне очевидно, что дальнейшее развитие в Беларуси электронной коммуникации и электронных СМИ в первую очередь зависит от темпов и эффективности формирования самодостаточного информационного общества.

Лилия Егорова, Дмитрий Туманов
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРИОДА ПОСТМОДЕРНА: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ VS ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ

Конец XX века принес с собой новое понимание культуры в целом и журналистики как культурного посредника в частности. Термин «постмодерн» обозначает качественно новое состояние, предположительно достигнутое современными передовыми индустриальными обществами. Уже нет столь четкого деления на социальные классы: теперь мы делим людей по большему количеству социальных признаков, учитывая не только их пол, национальность, возраст, уровень дохода, но и стиль, и качество жизни. Идут значительные перемены и в экономических, и в политических отношениях в обществе. Да и сама жизнь человека начинает рассматриваться как эстетический или культурный проект.

Понятно, что мы еще не совсем вошли в этот период. Мы даже не до конца определили, в какой степени черты постмодерна связаны друг с другом. Разногласия есть и в том, что ведет к переходу от современного состояния общества к постмодерну. Одни считают – перемены в капитализме, другие – фундаментальные культурные изменения.

А изменения в культуре сейчас огромны. С одной стороны, мир все более и более сближается: события, происходящие на другом конце света, через минуту становятся достоянием многих, а ведь, скажем, еще в прошлом веке на это требовались долгие месяцы или годы. Но, с другой стороны, человек, сидящий у экрана компьютера, воспринимает мир таким, каким его «выстраивают» журналисты, создающие электронные версии средств массовой информации.

Всемирная паутина, «опутавшая» планету, – интернет – дитя «холодной войны», берущая истоки в военных программах Пентагона. Появившись в 1969 году, эта сеть позволила ученым-компьютерщикам и инженерам, работавшим по военным контрактам по всей Америке, установить обмен тогда еще очень дорогими информационными ресурсами. Более того, интернет первоначально задумывался как одно из средств ведения современной войны.

Этому была подчинена его изначальная «архитектура»: в основе передачи информации была заложена оригинальная конструкция расщепления

передаваемых информационных данных на маленькие порции – «пакеты», которые достигали цели назначения различными путями. Это, в свою очередь, делало посылаемую информацию неуязвимой для возможного прослушивания. Такая сеть коммуникационных «пакетов» могла противостоять крупномасштабным разрушениям и даже ядерной атаке: если один маршрут заблокирован или просто отключен, «пакетики» ринутся по тому пути, который остался нетронутым.

Но уже спустя три десятка лет интернет стал верным помощником ученых. Конечно же, журналисты тоже не замедлили воспользоваться техническим новшеством.

Поскольку обращаться к интернету для создания собственной электронной версии газеты или журнала нынче может любой, монополия на передачу информации исчезает. Каждый передает то и в такой интерпретации, что и в какой степени ему выгодно. А это опять же ведет к тому, что говорить не то что об объективности, но даже о простом соответствии реальной жизни не приходится. И это оказывается близким новому времени, получившему название постмодерн.

Культура постмодерна – постмодернизм – представляет собой смешение стилей, способность к самоосознанию, часто сопровождающуюся чувством иронии, отсутствие объективных стандартов истинности и последовательности в изложении фактов. Автор как бы совсем ни при чем: читатель сам интерпретирует текст, понимает его так, как подсказывает ему личная культура читателя.

Но ведь мы уже отметили, что для такого читателя, который пользуется только чужими «ушами» и «глазами», мир – это то, о чем ему сообщает журналист. Значит, журналист, прекрасно понимающий законы психологии, владеющий способами вызвать у читателя нужные ассоциации, может заставить действовать и чувствовать так, как ему этого бы хотелось. И в конечном итоге именно журналист творит мир, в котором живет его читатель.

Журналист может конструировать любую реальность, используя отобранные из действительности факты, а технологическая «архитектура» интернета защитит посланную информацию от перехвата и позволит принять ее миллионам читателей во всех концах мира одновременно. Так совершаются диверсии, так можно развязать новую мировую войну, так можно совершить преступление против личности.

Вместе с тем, компьютер превратил электронные средства массовой коммуникации в глубоко личностную связь. Общение через интернет – это общение двоих, интимное общение. Пользователи интернета могут поглядеть в глаза друг другу, послав по сети изображение, вызвав тем самым особое доверие. Коммуникация по типу «человек-человек» лишь усложнилась, включив в себя дополнительный компонент – «человек-компьютер-человек».

Но этот дополнительный компонент не просто привнес в общение новые технологии, но и усложнил сам процесс коммуникации, значительно трансформировав его. Это усугубилось тем, что прорыв постмодерна в советскую культуру совпал с распадом СССР. Старые политические и экономические институты стали систематически уничтожаться. Разрушение советского строя было воспринято обществом как гибель культуры.

В свою очередь, гибель культуры предполагает два следствия. Во-первых, распад привычного образа мира влечет за собой массовую дезориентацию, утрату человеком связей с обществом. Мир для человека и человек для самого себя перестают быть понятными, знакомыми. И поскольку страх перед неизвестностью действует угнетающе, в обществе возникает депрессия. Вот тогда-то и появляется второе следствие гибели культуры, – немедленный поиск новых культурных ценностей, призванных восстановить мир как целое. Пусть он будет иным, чем прежде, зато как прежде понятным и логически выстроенным.

Вот почему человек стал стремиться к замкнутому в определенное пространство миру. Потеряв связь с обществом, он стал налаживать связь с самим собой, искать внутреннего равновесия. Электронные средства массовой коммуникации как раз и позволяют ему, оставаясь наедине с самим собой, общаться со всем миром одновременно и с конкретным собеседником, становящимся его вторым «я».

И хотя сам термин «постмодерн» возник в 1930-е г., утверждение его как явления происходит в мире лишь в самом конце XX века. Отказ от универсальной исторической концепции, выстраивающей всю историю в одну стройную и последовательную схему, чрезвычайно близок обществу, пережившему гибель культуры и распад целостной картины мира. В этих условиях культурная индустрия становится производителем и распространителем жизненных форм и жизненных стилей. Вместо одного образа мира возникает множество личных миров, которые могут существовать параллельно друг другу. Например, мир маньяка-убийцы и мир ученого-энтомолога. Эти два мира могут никогда не пересечься. И только журналист может и должен свести их в своих материалах.

Более того, сегодня массмедиа позволяют «читателю» реализовать себя как элемент бытия, а не просто потребителя информации. Конвергентная медиасфера реализует его потребность в сотворении мира-текста через комментаторские блоги, в которых предъявленная в сообщении действительность порой интерпретируется до полной инверсии: он не потребляет информацию, он даже не ведет с ней диалог, – он созидает новую гиперреальность. «Читатель» становится «автором» и «умирает» как «читатель».

Распространение электронных средств вновь возвращает общество к «племенному миру» (М. Маклюэн [1]) с устными формами коммуникации,

но при этом включенному в глобальную коммуникационную сеть. Происходит снятие координат «центра» и «периферии», и индивид может одновременно переживать состояние как близких к нему, так и отдаленных от него объектов.

Создание собственного информационно-коллажного образа жизни возможно не только с помощью телевидения, но и радио, и интернет-порталов, и даже традиционных печатных изданий: современные массмедиа в соответствии с логикой философии постмодерна возвращают «читателя» к некоему космическому состоянию, когда возможно творение *ex nihilo* – «из ничего» [2, с. 29]. Выхватывая отдельные фрагменты из информационных потоков, «читатель» моделирует свой мир-текст, окончательно уничтожая смысловую нагрузку произведения, заданную его автором. Некритически воспринимая сообщения, «читатель» даже начинает допускать одновременное существование разных, порой даже взаимоисключающих версий произошедшего, каждая из которых пребывает в своем измерении. Вспомним: поскольку реальность скрывается за переплетением множества образов и интерпретаций, распространяемых без какой-либо единой координации, то увеличение наших информационных возможностей по отношению к самым различным аспектам реальности делает все менее понятной саму идею одной-единственной реальности [3].

Типизированное отображение общества, в существовании которого у человека теперь нет твердой уверенности, возвращается из художественно-образного к своему источнику – в документалистику, публицистику, хронику, эпистолярные и прочие жанры, свойственные массмедиа, но на качественно ином уровне: воздействие электронных средств массовой информации, по мнению английской исследовательницы К. Брук-Роуз, предпочитающих плоские характеры комиксов, видеоклипов или компьютерных игр, вытеснило из современности многогранный психологизм образов [4]. Клиповость мышления «читателя», неспособность к восприятию многомерного образа и обязательное расчленение его в процессе потребления на примитивные «картонные фигурки» привели к появлению нового человека, населяющего новыми мифами привычный ему мир. В итоге новые стереотипы массового сознания повлекли изменения общей социокультурной ситуации.

Идея глобализации состоит во всеохватности и комплексности изменений. Дестабилизация многими, особенно в России, воспринимается со знаком «минус», – глобализация утверждает, что так будет всегда. Перетекание одних структур в другие касается всего, все находится в состоянии движения: перетекающая цивилизация во всех своих формах. Все изменения взаимодействуют друг с другом.

В глобальной системе взаимодействия все изменения постоянны, идет постоянное перемещение людей, идет постоянное вертикальное мобильное движение – и все взаимосвязано.

Взаимодействие между индивидами приобретает все новые формы взаимных интересов. Люди существуют не как отдельные атомизированные единицы, которые сталкиваются и разносятся движением в разные стороны, а как некие единицы, которые накапливают потенциал возможного восстановления отношений, – турбулентные потоки перемешивают людей: провинция-столица, вертикаль-горизонталь... Границы национальных государств сейчас стремительно теряют свое значение. На микроуровне возникают человеческие связки, проходящие насквозь все, даже виртуальные, границы, – границы культуры, границы языка, экономические границы, юридические...

Происходит гибридизация культурного и информационного пространства. Гибриды, как мы знаем, искусственные соединения, объединения каких-либо качеств, которые создают новую конструкцию, сохраняя при этом наиболее яркие, необходимые черты компонентов. Гибриды очень неустойчивы, они редко сохраняют через поколение свои гибридные качества. Так вот, культурная гибридизация – это искусственное создание неких новых, заполняющих культурное пространство конструкций, феноменов, связанное с соединением ярких компонентов того, что существовало прежде. В концепции постмодернизма для соединения несоединимого используется специальный прием – «пастиш». Все это обладает быстрым периодом полураспада, все новейшие соединения почти тут же распадаются и в виде коллективов, и в виде носителей, и в виде приемов, но в какой-то момент это процветает, приносит прибыль.

Первая реакция всякого человека – неприятие такого гибрида, оценка его как вульгаризации. Между тем это и есть процесс эволюции. Процесс гибридизации захватывает то, что называется сферой гиперреальности, совершенно новой реальности, связанной с глобализацией и создаваемой средствами массовой информации, туризмом, другими яркими феноменами конца XX века.

Таким образом, возникает некий парадокс: сегодняшний потребитель-«читатель» предпочитает индивидуально-личностный подход к формированию информационного потока, тогда как массмедиа нацелены на массовое производство информации, причем часто они политически ангажированы и коммерциализированы, превращая создаваемые потоки новостей в товар, распространяющийся по принципам свободной рыночной торговли. Как же добиться совмещения этих противоположностей? Отчасти это сделать позволяет конвергенция технологий, при которой каждый канал представляет собой особую форму совместного сотворения контента. В период постмодерна журналистика не только с необходимостью вынуждена осваивать и развивать такую конвергенцию, но выполнять функцию посредника между личными культурами, объединяя множество личных миров в единое инфор-

мационное пространство. Постмодерн осуществляется именно в культуре и через культуру. Поэтому неизмеримо возрастает роль и ответственность журналистики в обществе.

Когда-то мы полагали, что средства массовой информации есть отражение нашего мира, рефлексивный взгляд общества на само себя, зеркало, в которое мы смотримся. В процессе глобализации средства массовой информации превращаются в самостоятельную реальность. Они уже формируют жесткую реальность: жесткий мир начинает существовать для телевидения, для печати, для паблик рилейшнз. Все так называемые содержательные программы настраиваются на то, что в первую очередь должны зазвучать в виртуальном мире средств массовой информации. Между тем, обвиняя современные массмедиа в ретрансляции «негативной» (вариативной) информации или больше того – в информационной дестабилизации восприятия мира, мы отвергаем их стремление соответствовать запросам современного постмодернистского мышления.

Литература

1. Маклюэн, М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн: перевод с английского В.Г. Николаева. – М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. – 464 с.
2. Рыгайс, Е.В. Интернет: за пределами сакрального / Е.В. Рыгайс // Меди-афилософия IV: Методологический инструментарий медиафилософии. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2010. – С. 29–32.
3. Ваттимо, Дж. Прозрачное общество / Дж. Ваттимо. – М.: Логос, 2002. – 128 с.
4. Brooke-Rose, Chr. The dissolution of character in the novel / Chr. Brooke-Rose // Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought. – Stanford, 1986. – P. 184–196.

Марина Загидуллина

Челябинский государственный университет (Россия)

РОЛЬ ТРАДИЦИИ В ЖУРНАЛИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА: К ВОПРОСУ О ДЕВЕСТЕРНИЗАЦИИ И ИНДИГЕНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ

Политические, культурные, экономические события последнего времени, связанные с медиапространством, позволяют судить о серьезных изменениях в публичной сфере: процессы глобализации, рассматриваемые многими исследователями как основная тенденция последних десятилетий, уступают место «хору неслиянных голосов» отдельных культур. Эти общие тенденции проявляются и в журналистике – как в практической деятель-